

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. ХОЛОДИЛОВА

РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ ПОЗИЦИИ ПОСЕССОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Данная статья посвящена рассмотрению структурных и семантических свойств предложений, подобных следующим:

- (1) *Его взгляд светился неподдельной любовью и дружбой, более того, искренним интересом к человеку, руку **которого** он пожимал в этот момент* (Яндекс)².
- (2) *Не забудьте посмотреть в глаза человеку, **которому** пожимаете руку* (Яндекс).
- (3) *Каждый человек, **чью** руку я пожимаю, в этот момент для меня важнее всех на свете* (Яндекс).

Эта группа примеров выделена на основании следующих двух признаков.

Во-первых, все эти примеры содержат **относительную конструкцию**. Под относительной конструкцией понимается «конструкция, состоящая из имени ⟨...⟩ (эта позиция может быть не заполнена) и зависимой клаузы, которая интерпретируется как определение к этому имени. Такое имя называется вершиной, а зависимая клауза — относительной клаузой. Относительная клауза находится в таком определительном отношении к вершине, что вершина задействована в том, что сообщается в относительной клаузе» [Lehmann 1986: 664].

¹ Представленное в статье исследование было поддержано грантом РГНФ № 09-04-00264а «Грамматика определительных вторичных предикаций (релятивизация в русском языке)» и грантом президента РФ НШ-3688.2010.6 «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова».

Я хотела бы поблагодарить С. С. Сая за помощь на разных этапах исследования и работы над статьей, а также Е. А. Лютикову за ценные замечания к ранней версии данного текста.

² Большая часть примеров в работе найдена с помощью поисковой системы «Яндекс» или Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru, далее НКРЯ).

Во-вторых, в примерах (1)—(3) релятивизируется **позиция посессора**, т. е. общий участник главной и зависимой клаузы занимал бы позицию посессора, если бы значение зависимой клаузы было выражено в качестве отдельного предложения, как в (4), ср. с (3).

(4) *Я пожимаю руку (этого) человека.*

В настоящей работе понятие «позиция посессора» трактуется расширенно: посессором считается всякий участник, который занимает ту же синтаксическую позицию, что и посессор в любой конструкции, способной выражать **прототипические посессивные значения** (отчуждаемой и/или неотчуждаемой принадлежности и/или родственные отношения). Аналогично определяется позиция обладаемого. Так, например, в словосочетании *стакан воды* вода признается посессором, а стакан — обладаемым, поскольку в примерах, подобных (4), та же конструкция используется для выражения неотчуждаемой принадлежности.

В русском языке для релятивизации позиции посессора обычно используется одна из следующих посессивных конструкций: конструкция с приименным генитивным зависимым (1), конструкция с внешним посессором (2) или конструкция с притяжательным местоимением *чей* (3)³. Кроме того, существуют предикативные способы выражения посессивности, которые в настоящей работе рассматриваться не будут.

Свойства основных посессивных конструкций при релятивизации будут рассмотрены в разделах 2—4. В разделе 5 будет рассмотрена конкуренция двух наиболее частотных при релятивизации позиции посессора типов относительных клауз — с маркерами *который* и *чей*.

2. Конструкция с приименным генитивом

2.1. Зависимость свойств конструкции от выбора относительного местоимения

При релятивизации позиции посессора в конструкции с приименным генитивом в большей или меньшей степени допустимо использование следующих относительных местоимений: *который*, *что*, *какой*, *каковой*, *кой* и *кто*⁴.

³ Значительно реже, особенно в письменных текстах, ориентированных на литературную норму, используются стратегия релятивизации, маркером которой является союз *что* (i), и бессоюзная релятивизация (ii). Далее в работе они не рассматриваются.

(i) *а ты той тётке, **что** я тебе телефон давала, дозвонилась, или это она и есть ненормальная?* (Яндекс);

(ii) {О собаках:} *вот ту девчонку помнишь, я фотографию показывала* (Яндекс).

⁴ В истории языка для релятивизации, в том числе для релятивизации позиции посессора, могло использоваться также старославянское и древнерусское союзное слово *иже*:

В современном языке стилистически и грамматически наиболее нейтральным является местоимение *который*. Некоторые свойства относительных клауз, содержащих данное местоимение, будут рассмотрены далее (см. 2.2—2.4 и разд. 5)⁵.

Местоимение *что* при релятивизации позиции посессора (как и прочих позиций, см., например, [Янович, Грунтова 2007]) используется только в том случае, если вершина не содержит существительного и референтом именной группы в целом является неодушевленный объект, ср. (5а—б)⁶:

- (5а) *Невозможно бороться против того, частицей чего являешься сам* (И. Кузьмичев. Дом на канале // Звезда. 2003) (НКРЯ);
(5б) **Невозможно бороться против того общества, частицей чего являешься сам.*

При этих условиях местоимение *что* является не только допустимым, но и единственно возможным средством релятивизации.

По своим свойствам при релятивизации посессора во многом сходны относительные местоимения *какой*, *каковой* и *кто*. Все эти местоимения невозможны или крайне редки при релятивизации генитивной позиции в центральных значениях — посессора в узком смысле и аргументов при номинализации. Значительно более частотными эти местоимения оказываются в различных количественных конструкциях, в качестве зависимых при числительных, нумеративах (6), количественных именах (7) и кванторных словах, требующих генитива (*много*, *несколько*):

- (6) *Как быть с нами, с теми кого три человека?*⁷ (Яндекс);
(7) *Это оказалось не очень хорошей идеей, т. к. ребенок схватил самую обычную машинку, **каких** у него целое ведро, и мы никак не могли уговорить его поменять на что-то более интересное* (Яндекс).

Данные о частотности позиции посессора у различных относительных местоимений по сравнению с частотностью этих местоимений в целом

(ii) *По учинении Епархии Санктпетербургской, оная* (Духовного Правления Консистория. — М. Х.) *поручена в правление, яко по должности, тому Архиерею, его же есть Правление Епархии* (А. И. Богданов. Описание Санкт-Петербурга (1751)) (НКРЯ).

⁵ О свойствах относительных клауз с местоимением *который* безотносительно к релятивизуемой позиции см., прежде всего, статьи [Зализняк, Падучева 1979] и [Лютникова 2009].

⁶ При релятивизации посессора, как и при релятивизации других позиций, местоимение *что* может соотноситься не с именной группой, а с предшествующей клаузой:

(i) *При таком развитии событий доверие к финансовым рынкам будет подорвано, следствием чего станет кумулятивный спад* (А. Казинцев. Симулякр, или Стекольное царство (2003) // Наш современник, 2003.11.15) (НКРЯ).

⁷ Здесь и далее в работе сохраняются пунктуация и орфография оригинала.

приведены в табл. 1. При попарном сравнении результатов для местоимений *каковой*, *кто* и *какой* с результатами для местоимения *который* различие во всех случаях статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 1

**Частотность релятивизации посессора
в относительных клаузах с различными относительными местоимениями**⁸

	Всего	Посессор, кроме количественных конструкций	% посессора
<i>кой</i>	196	25	13 %
<i>который</i>	19863	720	4 %
<i>каковой</i>	1468	8	1 %
<i>кто</i>	1985	0	0 %
<i>какой</i>	547	0	0 %

Набор позиций, в которых относительные местоимения *каковой*, *кто* и *какой* обычно используются при релятивизации посессора (в количественных конструкциях с вершинами различных типов), полностью совпадает с отмеченным в [Лютикова 2009: 484—489] набором позиций, в которых генитивное зависимое может отрываться от своей вершины и, следовательно, относительное местоимение может оказываться в абсолютном начале клаузы. Можно предположить, что редкость этих местоимений в позиции посессора в какой-то мере связана с их предпочтительностью в начальной позиции. В случае с местоимением *кто* предположение о связи этих двух факторов получает дополнительное подтверждение: в неколичественных конструкциях оказывается очень частотным порядок слов с препозицией относительного местоимения, как в (8), в современном языке почти невозможный у относительных клауз с местоимением *который*⁹:

(8) *Сейчас попробую обзвонить всех кого телефоны знаю* (Яндекс).

Как видно из табл. 2, предпочтение препозиции характерно только для относительного местоимения *кто*, но не для его вопросительного аналога. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 2

**Частотность постпозиции и препозиции
вопросительного и относительного местоимений *кто* (Яндекс)**

	<i>телефоны</i> <i>кого</i>	<i>кого</i> <i>телефоны</i>	Доля препозиции местоимения
Вопросительное <i>кто</i>	9	1	0,1
Относительное <i>кто</i>	10	39	0,8

⁸ Данные в табл. 1 не отражают сравнительную частотность относительных местоимений.

⁹ О возможности такого порядка слов ранее в истории языка см. в разделе 2.4.

Местоимение *кой*, напротив, очень частотно при релятивизации позиции посессора (см. данные в табл. 1). В какой-то мере сравнительная частотность местоимения *кой* в данной позиции объясняется отмеченной в [Кагарлицкий 2004: 148] редкостью у него форм именительного падежа единственного числа (*кой, коя, кое*) и винительного падежа женского рода (*кою*). Однако, как видно из данных в табл. 3, даже если исключить из рассмотрения эти редкие формы, доля приименного генитива от общего количества форм для местоимения *кой* значительно выше, чем у местоимения *который* (χ^2 , $P = 0,02$).

Таблица 3

Частотность приименного генитива у местоимений *кой* и *который*

	Форм генитива	Всего форм без форм nom.sg и acc.sg.f	% генитива
<i>кой</i>	44	228	19 %
<i>который</i>	1841	12997	14 %

2.2. Позиция обладаемого

Местоимение *который* в родительном падеже часто входит в состав именной группы, управляемой предлогом. Как видно из табл. 4, для местоимения *который* доля таких примеров от всех случаев использования в качестве приименного генитивного зависимого значительно больше, чем для существительных. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Таблица 4

**Местоимение *который* и существительное
в качестве генитивных зависимых в составе именной группы¹⁰**

	[P [N + Gen]]	[N + Gen] всего	% ИГ в составе ПГ
<i>который</i>	390	1069	36,5 %
Существительное	4398	15978	27,5 %

Интересно, что близкое противопоставление может приводить к различию по грамматической допустимости: согласно [De Vries 2006], во всех германских языках (кроме, возможно, английского) релятивизация именной группы с помощью постпозитивного (предложного) зависимого с выносом всей именной группы в начало клаузы возможна только в том случае, если эта именная группа входит в состав предложной группы (ср. примеры из нидерландского (9)—(10) [De Vries 2006]).

¹⁰ При расчетах не учитывались в большей или меньшей степени лексикализованные сочетания, такие как *в ходе*, *в качестве* и *на фоне*, которые особенно частотны при релятивизации.

- (9) **Ik ken de man de vader van wie je hebt*
я знаю DEF человек DEF отец PREP кто ты имеешь
uitgenodigd, niet.
пригласить.РТСР не
'Я не знаю человека, отца которого ты пригласил'.
- (10) *Ik ken de man met de vader van wie je gisteren*
я знаю DEF человек с DEF отец PREP кто ты вчера
hebt gesproken, niet.
имеешь говорить.РТСР не
'Я не знаю человека, с отцом которого ты вчера говорил'.

2.3. Сочинение посессоров

Рассматривая синтаксические свойства местоимения *который*, Е. А. Лютикова отмечает, что «очевидное ограничение на относительный вынос сочинительной конструкции состоит в том, что ОМ (относительное местоимение. — М. Х.) не должно являться одним из конъюнктов» [Лютикова 2009: 460]¹¹. Так, возможным оказывается предложение (11а), в котором относительное местоимение входит в именную группу, которая является одним из конъюнктов, но не предложение (11б), в котором это местоимение само является одним из конъюнктов:

- (11а) *Библейский счет поколений является единственной основой для библейской хронологии вплоть до правления царя Соломона, [царствование **которого**] и [некоторые последующие события ветхозаветной истории] уже могут быть датированы по другим источникам* [Лютикова 2009: 461];
- (11б) **Библейский счет поколений является единственной основой для библейской хронологии вплоть до правления царя Соломона, [**который**] и [последующие правители] жили уже в историческое время* [Лютикова 2009: 461].

Поиск в НКРЯ показывает, что в большинстве случаев это правило соблюдается.

Однако при релятивизации посессора это правило может в некоторых контекстах нарушаться: местоимение *который* может являться одним из конъюнктов в ряде случаев, когда сочиненной именной группой управляет существительное с двумя семантическими валентностями, которые и выражаются конъюнктами, как в (12а)¹²:

¹¹ Ср. также сходное утверждение в [Зализняк, Падучева 1979: 308].

¹² То же верно для предлога *между*:

- (i) *С.-д. фракция меньшевиков, между **которой** и Гапоном, как мы выше сообщали, пробежала черная кошка, вовсе уклонилась от участия в конференции* (В. М. Чернов. Личные воспоминания о Г. Гапоне (1906)) (НКРЯ).

(12a) *И еще одной причиной его радости было то, что до революции Александр Николаевич и его сестра Надя жили в Козицком переулке, на углу **которого** и улицы Горького стоит наш дом* (Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004)) (НКРЯ).

Релятивизоваться при этом может только первый конъюнкт:

(12б) ^{???}... *Александр Николаевич и его сестра Надя жили в Козицком переулке, на углу улицы Горького и **которого** стоит наш дом.*

Наличие двух симметричных семантических валентностей является необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы местоимение *который* могло быть конъюнктом. Так, из существительных, перечисленных в табл. 5, примеры на сочинение посессоров зафиксированы только для слов *угол*, *пересечение* и *соотношение*. Сконструированные примеры с прочими существительными представляются не вполне допустимыми:

(13) ^{???} *Онегин, дружба **которого** и Ленского закончилась трагически, ...*

В табл. 5 собраны данные о частотности сочинения посессоров по сравнению с другими конструкциями, выражающими близкое значение, при различных существительных (*дружба Онегина и Ленского* vs. *дружба Онегина с Ленским / между Онегиным и Ленским*). Из данных в таблице можно заключить, что релятивизация одного из сочиненных посессоров возможна только при тех существительных, для которых сочинительная конструкция является основным способом выражения актантов. В табл. 5 в отдельных столбцах приводятся данные о суммарном количестве различных конструкций для слов, допускающих релятивизацию одного из сочиненных посессоров (*угол*, *соотношение*, *пересечение*), и для остальных рассмотренных существительных.

Не вполне очевидно, какие свойства «обладаемых» определяют частотность сочинительной конструкции при посессорах, выраженных именными группами, и ее допустимость при релятивизации¹³. Можно лишь заключить, что, по всей видимости, набор этих свойств совпадает, однако при посессорах, выраженных именными группами, они оказывают влияние только на количественное распределение, а при релятивизации сказываются на допустимости или недопустимости предложения¹⁴.

¹³ Как кажется, для допустимости релятивизации необходимо, чтобы свойства обладаемого напрямую выводились из базовых свойств посессоров. Ср., например, пару слов *соотношение* и *отношение*: знания двух чисел достаточно, чтобы определить их соотношение, тогда как отношение людей не определяется с той же очевидностью по их свойствам. Возможно, именно с этим свойством связана допустимость релятивизации в первом случае (*соотношение **которого** и диаметра сильфона*) и недопустимость во втором (^{???} *отношения **которого** и отца*).

¹⁴ Нельзя, впрочем, полностью исключить, что на допустимость релятивизации одного из конъюнктов в какой-то мере влияет сама частотность сочинительного способа оформления актантов вне контекста релятивизации. Важно, однако, отме-

Таблица 5

**Частотность различных стратегий выражения актантов
при существительных с двумя семантическими валентностями**

	X и Y		X с Y		между X и Y		Доля сочинительной конструкции	
<i>угол</i> ¹⁵	111		0		2		0,98	
<i>соотношение</i>	406	526	25	31	93	95	0,77	0,81
<i>пересечение</i>	9		6		0		0,60	
<i>отношение</i>	882		332		772		0,44	
<i>родство</i>	18		27		4		0,37	
<i>различие</i>	175		1		317		0,36	
<i>связь</i>	577		625		463		0,35	
<i>дружба</i>	47		66		34		0,32	
<i>сходство</i>	45	2086	72	1973	44	1849	0,28	0,35
<i>столкновение</i>	61		121		38		0,28	
<i>встреча</i>	153		426		15		0,26	
<i>война</i>	93		161		132		0,24	
<i>сравнение</i>	26		93		7		0,21	
<i>ссора</i>	9		49		23		0,11	

2.4. «Эффект крысолова» с препозицией относительного местоимения

В русском языке при релятивизации относительное местоимение чаще всего находится в позиции на левой периферии клаузы. Эта линейная позиция часто отличается от той, которую в независимом предложении обычно занимает именная группа с той же синтаксической ролью. При этом в позицию на левую периферию клаузы может «смещаться» не только само относительное слово, но и некая более крупная единица, в состав которой оно входит. Это явление, известное как «эффект крысолова», иллюстрирует пример (14б—в), ср. с (14а)¹⁶:

- (14а) Я пользуюсь терминологией (этого) ученого;
 (14б) *ученый, **которого** я пользуюсь терминологией;
 (14в) ученый, терминологией **которого** я пользуюсь.

тить, что в таком случае значима относительная, а не абсолютная частотность сочинения для данного слова; ср. данные для слов *пересечение* и *отношение*: абсолютная частотность сочинительной конструкции для слова *отношение* значительно выше, однако релятивизация одного из посессоров при нем невозможна.

¹⁵ При расчетах учитывалось только географическое значение слов *угол* и *пересечение*.

¹⁶ Здесь и далее термин «эффект крысолова» используется только в качестве короткого и сравнительно распространенного обозначения для данной группы примеров. Его использование не предполагает каких-либо теоретических предположений, связанных с сущностью этого явления.

В истории русского языка на протяжении долгого времени относительное местоимение в форме родительного падежа могло предшествовать своей вершине, при том что эта вершина часто находилась в позиции, «смещенной» по отношению к позиции, обычной для именных групп с той же синтаксической ролью:

- (15) *Дело в том только, чтоб грамматика знала свои границы и слушалась языка, **которого** правила объясняет...* (В. Г. Белинский. Общая риторика Н. Ф. Кошанского (1844)) (НКРЯ).

В XVIII в. такой порядок слов был основным и нарушался достаточно редко, впоследствии же, как видно из табл. 6, доля таких примеров стала падать, так что в современном языке такой порядок слов невозможен, кроме контекстов, предполагающих стилизацию под архаичный язык.

Таблица 6

**Частотность препозиции и постпозиции
относительного местоимения *который***¹⁷

	1700— 1800	1801— 1850	1851— 1900	1900— 1950	1951— 2007
<i>который</i> в препозиции	15	21	8	3	1
<i>который</i> в постпозиции	0	10	20	83	584
Доля препозиции	1,000	0,678	0,286	0,035	0,002

А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, комментируя это явление, отмечают, что в XIX веке, когда была допустима препозиция местоимения *который*, в препозиции могло находиться и существительное-посессор [Зализняк, Падучева 1979: 321].

Е. А. Лютикова приводит следующие аргументы, доказывающие, что между существительными и относительными местоимениями в данном случае существует некоторое различие: во-первых, у существительных «в большинстве случаев (...) препозитивно используется «генитив качества», грамматичный и в современном русском языке (*большого ума человек, редкой красоты ожерелье*)»; во-вторых, частотность препозиции для существительных значительно ниже [Лютикова 2009: 505—506]. Из этого делается вывод, что препозиция местоимения *который* не связана с базовым порядком слов и является результатом выдвигания из именной группы, которая предварительно подвергается тематической препозиции.

Кажется, однако, что описанное различие между относительным местоимением и существительным не может быть основанием для приписыва-

¹⁷ В таблице учитываются все случаи, в которых обладаемое следует сразу после посессора, выраженного местоимением *который*, т. е. учитываются, в частности, примеры, в которых обладаемое занимало бы ту же линейную позицию и вне контекста релятивизации.

ния им различных синтаксических позиций, поскольку возможность подобного различия в порядке слов предсказывается по соображениям, независимым от общей синтаксической структуры предложения. Как отмечает Дж. Хокинс [Hawkins 1983], в языках, в которых используются предлоги, а не послелого, действует следующее правило: если некоторый тип составляющих, атрибутивно модифицирующих именную вершину, в базовом порядке слов находится от этой вершины справа, то же верно для всех «более тяжелых» (то есть в среднем содержащих большее количество слов) типов атрибутивных зависимых, т. е. действует следующая иерархия:

$$(16) \text{Prep} \supset ((\text{NDeM} / \text{NNum} \supset \text{NA}) \& (\text{NA} \supset \text{NG}) \& (\text{NG} \supset \text{NRel}))^{18}$$

В иерархии различные типы последовательности NG представлены только одной группой, однако очевидно, что местоимение в родительном падеже должно быть «более легкой» составляющей, чем именная группа в родительном падеже. Таким образом, естественно ожидать, что в языках с предлогами, в частности в русском, именная группа будет оказываться в постпозиции к определяемому существительному с большей вероятностью, чем местоимение. Следовательно, расхождения в порядке слов между существительными и относительными местоимениями именно в эту, ожидаемую, сторону не могут быть доказательством того, что местоимение при этом находится за пределами именной группы.

Более правомерным кажется сравнение относительных местоимений с другими группами местоимений. При этом оказывается, что рассматриваемый случай препозиции генитивного определения относительно вершины в истории русского языка не уникален. Во-первых, как известно, к форме родительного падежа восходят притяжательные местоимения третьего лица (*его, ее, их*). Во-вторых, по всей видимости, в истории языка были нередки и случаи препозиции других местоимений (*один, другой*)¹⁹:

(17) *По третью сторону на мягком ложе лежал служитель сна, который был весьма искусен представлять других походку, вид, голос и всякие телодвижения* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)) (НКРЯ).

При проверке гипотезы Е. А. Лютиковой о трансформационном происхождении порядка слов, при котором зависимое местоимение предшествует своей вершине, логично обратиться к контекстам, где препозитивное за-

¹⁸ В (16) используются следующие условные обозначения: Prep — в языке используются предлоги; NDeM — указательное местоимение следует за вершиной; NNum — числительное следует за вершиной; NA — группа прилагательного следует за вершиной; NG — группа зависимого именного типа в родительном падеже следует за вершиной; NRel — относительное предложение следует за вершиной.

¹⁹ Впрочем, доля препозиции у этих местоимений значительно меньше, чем у местоимений *который* и *кой*.

висимое в пределах именной группы и относительное местоимение, вынесенное в начало клаузы, будут занимать различные линейные позиции, — прежде всего, к предложным группам. Трансформационная гипотеза предсказывает, что местоимение должно оказаться в абсолютном начале клаузы, гипотеза о порождении относительных местоимений в препозитивной позиции — что местоимение должно занять позицию между предлогом и существительным.

Такая проверка, однако, не дает однозначного результата, точнее, дает результат, не предсказанный ни той, ни другой гипотезой: в НКРЯ фиксируются оба типа примеров²⁰:

- (18) *Заемствованные времена принимают многие глаголы, **которых** в пример служить могут: 1) превосхожу в прошедшем неопределенном имеет от себя превосходить — от хожу, ходить...* (М. В. Ломоносов. Российская грамматика (1755)) (НКРЯ);
- (19) *Офицер Гине, на **которого** сестре женат сын Татищева, приехал в Москву, помнится, в начале 1785 года...* (Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии (1784—1792)) (НКРЯ)²¹.

Стоит, впрочем, отметить, что, во-первых, количество примеров, в которых местоимение оказывается в абсолютном начале клаузы, значительно меньше (не более 6 на 28 примеров с местоимением в позиции между предлогом и существительным), а во-вторых, в НКРЯ встречаются и примеры без «эффекта крысолова»²² (20), т. е. можно предположить, что су-

²⁰ Явление, во многом сходное с описанным выше, рассматривается в ряде работ, посвященных месоамериканским языкам [Broadwell 1999; Broadwell, Key 2004]. Различие заключается в том, что для этих языков не существует вариативности порядка слов: именная зависимая конструкция — посессор возможен только в постпозиции, а вопросительное местоимение в той же функции — только в препозиции. Это явление получило название «эффект крысолова, сопровождающийся инверсией» (pied-piping with inversion).

Интересно отметить, что в сапотекских языках, демонстрирующих «эффект крысолова, сопровождающийся инверсией», отмечаются те же два варианта порядка слов в предложной группе, которые фиксируются для русского: с вопросительным словом — посессором в абсолютном начале или между предлогом и существительным [Broadwell 1999].

²¹ Положение относительного местоимения между предлогом и существительным встречается, хотя и исключительно редко, и в современном языке в случае, если используется местоимение *кто* (о возможности препозиции данного местоимения см. в разделе 2.1):

(i) *...надо определиться по замечаниям выборочно (тех к **кого** мнению я заведомо готов прислушаться или чье мнение мне кажется меня поддерживающим)...* (Яндекс).

²² Такие примеры встречаются сравнительно редко; так, в текстах XVIII в. из 25 примеров, в которых относительное местоимение — посессор занимает первую

ществование примеров типа (18) связано в какой-то мере с необязательностью «эффекта крысолова», что очевидно неприменимо к примерам типа (19).

- (20) *В правой стороне открывается каменный хребет, **которого видны в иных местах острые и голые концы*** (А. Н. Радищев. Записки путешествия в Сибирь (1790)) (НКРЯ).

Таким образом, в истории русского языка возможным и сравнительно частотным был порядок слов, при котором относительное местоимение — посессор находится в позиции непосредственно перед обладаемым, причем такой порядок слов, по всей видимости, не связан или не всегда связан с выносом относительного местоимения за пределы именной группы.

3. Конструкция с внешним посессором

3.1. Базовые свойства конструкции с внешним посессором

В настоящей работе под конструкцией с внешним посессором понимается такая конструкция, в которой посессор не является синтаксическим зависимым обладаемого и зависит от глагола, причем посессор или обладаемое оказываются в позиции, не предусмотренной аргументной структурой глагола, как в примерах (21)—(22):

- (21) *В пылу научной полемики Илья Иосифович выбил **своему оппоненту зуб**, и тот, униженный и оскорблённый, подал в суд* (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. 2000. № 8—9) (НКРЯ);
- (22) *Житель поселка Дорожников был менее пьян и поэтому выиграл спор, ударив **оппонента по голове** первым попавшимся под руку тяжёлым инструментом* (Яндекс).

Так, например, в (21) использован глагол *выбить*, который, как видно из (23), не имеет обязательной синтаксической валентности на дополнение в дативе, а также, очевидно, семантической валентности, которой бы соответствовало такое дополнение, поэтому именная группа *своему оппоненту* в (21) признается внешним посессором.

- (23) *Можно надеть перчатку и **выбить стекло** в окне, но таким же ударом стекла не вставишь* (Даниил Гранин. Зубр (1987)) (НКРЯ).

В работах, посвященных внешнему посессору, границы этого явления проводятся по-разному. Из спорных случаев, перечисленных в [König 2001: 971], для нашей работы важен следующий: в части исследований к

позицию, а обладаемое не является подлежащим, только в трех между посессором и обладаемым находятся другие составляющие. По техническим причинам рассматривались только относительные конструкции с неодушевленными вершинами.

числу конструкций с внешним посессором относятся только те, в которых позицию, не соответствующую никакой глагольной валентности, занимает посессор, т. е., согласно этому подходу, внешним посессором является 'оппонент' в (21), но не в (22). В других работах внешний посессор выделяют в примерах обоих типов, а эти типы часто рассматриваются как два подкласса конструкции с внешним посессором. Так, в работах [Кибрик 2003; Леонтьев 2008; Брыкина 2009 и др.] для этих классов используются названия **экстрапозиция посессора** (21) и **экстрапозиция обладаемого** (22), которых я буду придерживаться в дальнейшем. Как будет показано в разделе 3.2.3, свойства экстрапозиции посессора и экстрапозиции обладаемого при релятивизации различаются.

Существует ряд аргументов, доказывающих, что посессор в такого рода конструкциях находится вне именной группы, возглавляемой обладаемым.

Во-первых, посессор и обладаемое могут оказываться в различных линейных позициях, при этом между посессором и обладаемым могут находиться другие слова (24):

(24) *Оппоненту выбили зуб.*

Во-вторых, в конструкции с внешним посессором обладаемое может быть выражено местоимением:

(25) *Владимир Константинович вдруг снял свои очки, вытащил из кармана платок и стал им утирать глаза: они у него покраснели, за-слезились (Яндекс).*

В русском языке личные местоимения могут заменять только полные именные группы, поэтому сочетание слов *они у него* невозможно считать составляющей, по крайней мере составляющей типа именной группы.

В-третьих, при экстрапозиции обладаемого именная группа, соответствующая посессору, проявляет свойства, характерные для глагольных зависимых, в частности, как отмечает Я. Г. Тестелец, конструкция с посессором в позиции прямого дополнения допускает пассивизацию:

(26) *Он был схвачен за шиворот* [Тестелец 2001: 204].

Наконец, в [Тестелец 2001: 198—199, 204] в качестве свойства, указывающего на принадлежность дативного внешнего посессора к числу глагольных зависимых, используется способность контролировать дистрибутивную конструкцию. Под последней понимается такая конструкция, в которой именная группа во множественном числе присоединяет после себя местоимение *каждый* в единственном числе, но в той же падежно-предложной форме, что и именная группа [Там же: 198]:

(27) *удалил им каждому по два зуба* [Там же: 204].

Согласно Я. Г. Тестельцу [Там же: 198—199], способностью контролировать дистрибутивную конструкцию обладают многие типы глагольных

зависимых, но не приименное зависимое в родительном падеже. По всей видимости, дистрибутивную конструкцию в обычном случае не могут контролировать и другие типы приименных зависимых, ср. (28):

(28) *Я изучала его письма друзьям каждому по два года.

Таким образом, различные свойства указывают на то, что посессор и обладаемое в конструкции с внешним посессором не образуют единой составляющей.

В следующем разделе будут рассмотрены некоторые свойства конструкции с внешним посессором при релятивизации.

Позицию внешнего посессора могут занимать различные относительные местоимения, однако в подавляющем большинстве случаев эту позицию занимает местоимение *который*, поэтому далее в разделе 3 будут рассматриваться, прежде всего, свойства данной конструкции с союзным словом *который*.

3.2. «Эффект крысолова» в конструкции с внешним посессором

При релятивизации возможно следующее интересное явление: в некоторых случаях на левой периферии относительной клаузы оказывается не только внешний посессор, но и обладаемое (29)—(30):

(29) ...мама, глаза у **которой** краснели от слез... (Л. Н. Андреев. Вая (1899)) (НКРЯ);

(30) ...темный старинный шкаф, в бок **которому** упиралась железная койка... (А. С. Грин. Бегущая по волнам (1926)) (НКРЯ).

Данное явление напоминает по своим свойствам «эффект крысолова» (см. о нем в разделе 2.4). Примеры, подобные (29)—(30), достаточно неожиданны, поскольку «эффект крысолова» считается свойством составляющей (см., например, [Тестелец 2001: 140—141]), а в конструкции с внешним посессором посессор и обладаемое, как было показано выше, проявляют свойства независимых составляющих²³.

Если признавать, что «эффект крысолова» возможен только в пределах составляющей, логически возможны два способа анализировать примеры, подобные (29)—(30): можно предположить либо что в них представлен не внешний посессор, либо что в них представлен не «эффект крысолова».

²³ С. С. Сай обратил мое внимание на то, что данное явление (вынос в начало клаузы единицы, не проявляющей свойств единой составляющей с относительным местоимением) далеко не ограничивается примерами с внешним посессором, ср., например, (i):

(i) Предварительно варят куриный бульон, соль в **который** кладут по вкусу, желательна из петуха (Яндекс).

Свойства такого рода примеров требуют отдельного изучения и далее в работе рассматриваться не будут.

Эти две возможности будут рассмотрены в разделах 3.2.1 и 3.2.2 соответственно.

3.2.1. Внешний посессор vs. часть составляющей

В обычном случае при релятивизации посессора внешний посессор и обладаемое демонстрируют все свойства независимых составляющих, перечисленные в разделе 3.1, ср. (31), в котором между посессором и обладаемым находится предлог и обладаемое выражено местоимением:

- (31) {Первый сегмент мезосомы подвержен редукции и у почти всех представителей не несёт конечностей}. Исключение составляют мечехвосты, у **которых** на нём располагаются небольшие пластинки — хилярии (Яндекс).

Можно, однако, предположить, что свойства единой составляющей появляются у обладаемого и посессора, когда последний находится в постпозиции.

Аргументом в пользу этого предположения может служить отмеченная Ю. А. Ландером конструкция, в которой «внешние посессоры» с предлогом у относятся к сочиненным подлежащим в единственном числе, дающим множественное согласование на глаголе:

- (32) *Сломались компьютер у Петра и ксерокс у Павла* [Lander 2004: 318].

В примерах такого рода «внешний посессор» трудно считать зависимым глагола, т. к. в таком случае оба посессора относились бы к обоим конъюнктам, эллиптическая же трактовка исключается из-за множественного числа на глаголе. В связи с этим в [Lander 2004: 318] предлагается считать, что в примерах, подобных (32), внешний посессор в русском проявляет свойства внутреннего посессора. Далее высказывается предположение, что «внешний посессор» с предлогом у относится к числу «смешанных» конструкций, которые являются промежуточным этапом развития между внешним и внутренним посессором [Там же: 324]²⁴.

Таким образом, помимо первоначального предположения, что постпозитивный посессор всегда входит в ту же именную группу, что обладаемое, возможно и более слабое в логическом смысле утверждение, согласно которому постпозитивный посессор **может** демонстрировать **некоторые свойства** внутреннего посессора, одним из которых является возможность «эффекта крысолова».

Очевидным аргументом против более сильной формулировки является пример (25) выше, в котором обладаемое при постпозитивном внешнем посессоре выражено местоимением, а значит, по всей видимости, посессор не может быть его зависимым.

²⁴ Одним из оснований для этого предположения являются отмеченные в литературе случаи развития внутреннего посессора из внешнего [König, Haspelmath 1997: 586—587].

Кроме того, при постпозитивном внешнем посессоре, в частности при релятивизации, возможно использование дистрибутивной конструкции (см. о ней в разделе 3.1), что также является аргументом в пользу того, чтобы считать посессора зависимым глагола, а не обладаемого:

- (33) *В основном это не большие кабельщики [кабельные операторы. — М. Х.], покрытие у **которых** максимум по 5 тыс. у каждого* (Яндекс).

Некоторые возражения можно высказать и против более слабой формулировки, точнее, против того предположения, что данная формулировка объясняет возможность рассматриваемой конструкции.

Прежде всего, в той же позиции, что и обладаемое, в данной конструкции могут оказываться «лексикализованные» существительные, по отношению к которым вряд ли можно говорить о посессоре в обычном его понимании ((34), при [#]мышка которого; ср. также *на стреме у которых*, **стрем которых*; *на постой к которому, постой *которого?*⁷⁹ *у которого*):

- (34) *В дверях появилась длинная фигура Таковского, под мышкой у **которого** была большая папка с документами, очевидно с нашими личными делами* (Яндекс).

В той же позиции могут находиться наречия *домой* (35) и *дома* (36):

- (35) *Ничем помочь не могу, — не обрадовал Вершинина пожилой ветврач, **домой к которому** Кузьма экстренно доставил своего четверолапого друга* (Яндекс);
- (36) *Курение в семье существенно утяжеляло течение астмы: соотношение риска новых приступов у детей курящих родителей равнялось 1,34 (1,01—1,77), $p < 0,05$ в сравнении с пациентами, **дома у которых** не было курильщиков* (Яндекс).

Кажется естественным считать, что у словосочетаний *домой к которому* и *в дом к которому* одинаковая структура (точнее, для сочетания *в дом к которому* должна быть допустима та же структура, что и для сочетания *домой к которому*); т. е., если признать, что это составляющие, придется считать, что во втором случае *к которому* образует некую единую составляющую с сочетанием предлога и существительного *в дом*, а не с самим существительным *дом* (точнее, такая структура должна быть по крайней мере одним из возможных вариантов).

Таким образом, если считать «эффект крысолова» диагностическим признаком составляющей, в рассматриваемой конструкции посессор может демонстрировать свойства единой составляющей с существительным (33), наречием (35)—(36) и, предположительно, предложной группой (30), (34). Такие свойства не ожидаются ни для внутреннего, ни для внешнего посессора, следовательно, в рамках такого подхода особенности данной конструкции невозможно описать как простую совокупность типичных свойств внутреннего посессора и внешнего посессора.

Стоит отметить также, что если для внешнего посессора с предлогом *у* существуют некоторые независимые от релятивизации свойства, сближающие его с внутренним посессором (см. выше пример (32)), то для внешнего посессора в дательном падеже и для внешнего посессора с предлогом *к* такого рода свойства неочевидны. Кроме того, косвенным аргументом против анализа этих типов посессора как внутренних является и тот факт, что при них сильно ограничен набор позиций, которые может занимать обладаемое (предположительная вершина), ср. (37) при невозможности **клетка/клетки к которому*²⁵:

- (37) *Она прижала меня в угол с наглостью бывалого животного, в клетку к **которому** попало чужое и слабое существо, и что-то шепеляво спросила* (В. Конецкий. Начало конца комедии (1978)) (НКРЯ).

Возможным аргументом в пользу того, что «внешний посессор» при релятивизации занимает положение внутри именной группы, является невозможность прономинализации обладаемого. Так, обладаемое может быть выражено местоимением при препозиции посессора (38а), но не при постпозиции посессора (38б):

- (38а) *{Но во время общих проб я видел только «взрослые», порочные глаза.} Единственный актер, у **которого** они были чистые и детские — это Савостьянов* (Яндекс);
- (38б) **Единственный актер, они у **которого** были чистые и детские — это Савостьянов.*

Однако, по всей видимости, этот запрет вызван какими-то причинами, не связанными напрямую со структурой составляющих: тот же запрет наблюдается и в том случае, если в анафорической функции использовано обладаемое, не выраженное местоимением:

- (39а) *Шизофренику кажется, что у него болит сердце, и они лечат сердце, он говорит болит желудок, они лечат желудок... но эти органы у него здоровы...* (Яндекс);
- (39б) **Сердце и желудок лечат шизофренику, эти органы у **которого** здоровы.*

Как кажется, рассмотренные в данном разделе аргументы дают основание считать, что свойства внешнего посессора при релятивизации не совпадают со свойствами внутреннего посессора и не представимы в качестве смешанного набора типичных свойств внутреннего и внешнего посессоров.

²⁵ Последняя особенность отмечена также в [Брыкина 2009: 57—58]. Там же приводится возможный аргумент в пользу того, чтобы считать, что внешний посессор с предлогом *к* образует одну составляющую с обладаемым.

3.2.2. «Эффект крысолова» vs. коммуникативное передвижение

Другой возможный анализ предполагает рассмотрение слов, находящихся перед относительным местоимением, в качестве элемента, вынесенного в начало по причинам, никак не связанным с «эффектом крысолова». Такой элемент может быть по крайней мере топином или ремой при инвертированном порядке слов²⁶.

При этом подходе одинаковую синтаксическую интерпретацию должны получить словосочетания *в крылатке* в (40) и *на кухне* в (41):

- (40) *А где же тот, в крылатке **который**?* (А. И. Свирский. Рыжик (1901)) (НКРЯ);
 (41) *Богатый патриций, на кухне у **которого** тогда жила моя прапрапрабабушка, спешно бежал из разорённого Рима* (С. Коровина. Ее острейшее величество // Трамвай. 1990. № 11) (НКРЯ).

Можно, однако, заметить, что между обычными случаями коммуникативного передвижения (40) и примерами, в которых предположительно представлен «эффект крысолова» (41), существует ряд различий.

Во-первых, коммуникативные передвижения, при которых выносимый в начало элемент оказывается перед относительным словом, характерны прежде всего для неформальной разговорной речи, что неверно для рассматриваемой конструкции. Распределение этих двух конструкций по устному и основному корпусам НКРЯ²⁷ представлено в табл. 7. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Таблица 7

Относительная частотность коммуникативных передвижений и рассматриваемой конструкции в устных и письменных текстах

	Устный подкорпус	Основной подкорпус	Доля устного подкорпуса
<i>который</i> , коммуникативное передвижение	10	14 ²⁸	0,4
<i>у которого</i> (-ой, -ых) в постпозиции к обладаемому	1	31	0,03

Во-вторых, в письменных текстах рассматриваемая конструкция является более частотным явлением. Это подтверждается данными в табл. 8. Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

²⁶ На вторую возможность указала мне Е. А. Лютикова.

²⁷ В основном корпусе НКРЯ представлены преимущественно письменные тексты.

²⁸ Большую часть этой группы составляют примеры, явным образом имитирующие устную речь.

Таблица 8

**Частотность коммуникативных передвижений
и рассматриваемой конструкции**

	Со словами, предшествующими относительному местоимению	В произвольном контексте	%
<i>который</i> , Nom	5	9591	0,05
<i>у которого</i>	4	310	1,29

Наконец, предложения, подобные (40) и (41), по всей видимости, различаются и интонационно: в (40) вынесенный в начало элемент с необходимостью должен нести фразовое ударение, что неверно для (41).

Таким образом, коммуникативные передвижения, в результате которых некоторый элемент оказывается в начальной позиции в клаузе, в отличие от рассматриваемого явления, более характерны для устной речи, а в письменных текстах встречаются редко. Кроме того, они требуют особого интонационного рисунка, не характерного для рассматриваемой конструкции.

Следовательно, положение обладаемого в конструкции с внешним посессором при релятивизации вряд ли можно считать коммуникативным передвижением или близким ему по свойствам явлением.

С учетом данных, представленных в разделах 3.2.1 и 3.2.2, следует признать, что в рассматриваемой конструкции допустим «эффект крысолова», несмотря на то что данная конструкция не является единой составляющей.

**3.2.3. Допустимость конструкции
при различных типах внешнего посессора**

Из всего многообразия конструкций с внешним посессором (см., например [Леонтьев 2008: 33]) «эффект крысолова» допускает всего несколько разновидностей. В частности, не допускают «эффекта крысолова» все подтипы конструкции с экстрапозицией обладаемого, в частности конструкции с посессором, занимающим позицию подлежащего (42а—б), и конструкции с посессором, занимающим позицию прямого дополнения (43а—б):

- (42а) *Петрович стоял рядом со шкафом и так был широк в плечах... что казалось, это стоят рядом два брата-близнеца* (Ю. Коваль)²⁹;
- (42б) ^{???} *Петрович, в плечах **который** был так широк...*
- (43а) *...Король подумал, что королева дерется, и ударил ее стаканом по голове* (Д. Хармс);
- (43б) ^{???} *королева, по голове **которую** ударил король...*

²⁹ Примеры (42—45а) взяты из [Леонтьев 2008].

Из конструкций с экстрапозицией посессора «эффект крысолова» допускают, по крайней мере, конструкции с посессором, оформленным дательным падежом (30) или предложной группой с предлогами *у* (38) и *к* (37). При этом конструкция с дательным падежом допускает «эффект крысолова» во всех значениях, выделенных в [Леонтьев 2008: 46] («ситуация, предполагающая контакт с посессором», «ситуация с вовлеченным участником — бене-/малефактивом» и др.), а для посессора, вводимого предлогом *у*, как кажется, не вполне допускают релятивизацию «ситуации, за осуществление которых, по мнению говорящего, несет ответственность посессор» (44а—б) и «ситуации с декаузативным субъектом» (45а—б), по А. П. Леонтьеву [Там же: 60]:

- (44а) *Ценнейшие доски, не говоря уже о сборных щитах, у вас заключенные на дрова рубят и в обогревалках сжигают* (А. Солженицын);
- (44б) *??надзиратель, заключенные у **которого** рубят на дрова ценнейшие доски...*
- (45а) *Не решается у меня эта задача, хоть тресни;*
- (45б) *??ученик, задача у **которого** не решается.*

Таким образом, «эффект крысолова» допускают только конструкции с экстрапозицией посессора, причем он возможен не для всех выделяемых конструкций или, возможно, допустимость «эффекта крысолова» следует считать одним из критериев для отнесения или неотнесения конструкции к числу конструкций с экстрапозицией посессора.

3.2.4. Свойства конструкции

«Эффект крысолова» при внешнем посессоре демонстрирует частично те же свойства, что и при внутреннем посессоре.

Во-первых, «эффект крысолова» при внешнем посессоре встречается чаще, если обладаемое входит в предложную группу, как в (46), см. данные в табл. 9 (ср. сходные данные для внутреннего посессора в разделе 2.2). Различие статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P \approx 0,02$).

- (46) *Или это один из его обычных мальчиков, в руку **которому** через несколько десятков страниц ложится холодная и надежная рукавать браунинга?* (В. Пелевин. Жизнь насекомых (1993)) (НКРЯ).

Во-вторых, «эффект крысолова» встречается при относительном местоимении *который* чаще, чем при относительном местоимении *кто* (47), см. табл. 10 (ср. с данными для внутреннего посессора в разделе 2.1). Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

- (47) *В этот великий миг каждый, в груди у **кого** бьется пролетарское сердце, должен встать на борьбу* (С. Д. Мстиславский. Грач — птица весенняя (1937)) (НКРЯ).

Таблица 9

**Частотность «эффекта крысолова»
при обладаемом — части тела животного или человека
(стратегия с посессором в дативе)**

	С «эффектом крысолова»	Без «эффекта крысолова»	% «эффекта крысолова»
Обладаемое входит в предложную группу	8	110	7 %
Обладаемое не входит в предложную группу	2	171	1 %

Таблица 10

**Частотность «эффекта крысолова»
с относительными местоимениями *который* и *кто***

	С «эффектом крысолова»	Без «эффекта крысолова»	Доля «эффекта крысолова»
<i>у которого</i>	37	161	0,19
<i>у кого</i>	2	53	0,36

Таблица 11

Частотность «эффекта крысолова» во фразеологических сочетаниях

	<i>на глазах у кото- рого</i>	<i>у кото- рого на глазах</i>	Доля «эф- фекта кры- солова»	<i>под носом у кото- рого</i>	<i>у кото- рого под носом</i>	Доля «эф- фекта кры- солова»
Прямое значение	2	27	0,07	0	17	0,00
Переносное значение	73	48	0,60	9	20	0,31

Сходство этих свойств у конструкции с внешним посессором и конструкции с внутренним посессором при существенном различии в их структуре говорит, вероятно, о том, что эти свойства определяются не столько синтаксической структурой, сколько особенностями линейной цепочки, создающими сложности при речепорождении и восприятии.

Часто «эффект крысолова» встречается во фразеологических сочетаниях (*на глазах у которого, под носом у которого, за плечами у которого...*), причем в тех же сочетаниях, использованных в прямом значении, частотность «эффекта крысолова» оказывается ниже. Так, например, при употреблении словосочетания *на глазах у которого / у которого на глазах* в прямом значении (например, в сочетании, *у которого на глазах видеоочки*) предпочитается препозиция посессора, в переносном значении (например, в сочетании *на глазах у которого это случилось*) — постпозиция посессора. См. в табл. 11 данные для сочетаний *на глазах у которого* и *под носом у которого*. Различие в обоих случаях статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Частотность «эффекта крысолова» во фразеологических сочетаниях указывает, вероятно, на его связь с единством данных единиц в плане речепорождения и речевосприятия и/или их семантическим единством, в противоположность исключительно синтаксическому единству, которым обычно объясняется «эффект крысолова».

3.2.5. «Эффект крысолова» с препозицией относительного местоимения

В ряде случаев внешний посессор оказывается в абсолютном начале клаузы, а непосредственно за ним следует обладаемое. Разумеется, такой порядок слов сам по себе говорит не о многом, так как в русском языке на взаимное расположение слов в предложении влияют несколько процессов, и «выдвижение» в начало посессора и обладаемого могут быть совершенно независимыми.

Можно, однако, заметить, что в некоторых случаях такого выноса, когда обладаемое входит в предложную группу, посессор и обладаемое образуют некое более тесное единство; так, для примера (48а) наиболее естественным кажется вариант произнесения, при котором после обладаемого делается пауза, и не вполне естественным — вариант произнесения, при котором пауза делается после посессора:

(48а) *И будто лохматый пес, **которому** ^{??}(#) в нос ^{??}(#) залетело мелкое насекомое, трамвай потряхивает своей усатой головой* (Яндекс).

Менее естественным, хотя и допустимым, кажется также пример (48б), в котором между посессором и обладаемым находятся другие слова³⁰:

(48б) *... пес, **которому** залетело в нос мелкое насекомое...*

В других же случаях (49б), напротив, вполне естественной кажется пауза после посессора, но не после обладаемого. Также более естественна в таких примерах постановка между посессором и обладаемым других слов (49а):

(49а) *Один мещанин, **которому** пожал руку Николай Второй, не мыл её целый месяц* (Яндекс);

(49б) *Один мещанин, **которому** [?](#) руку (*#) пожал Николай Второй, не мыл её целый месяц.*

Можно предположить, что в первом, но не во втором случае представлен препозитивный аналог явления, которое рассматривалось выше в разделах 3.2.1—3.2.4.

³⁰ Предпочтительность порядка слов с контактным расположением посессора и предложной группы, содержащей обладаемое, подтверждается подсчетами: на 43 различных примера с сочетанием слов *которому в глаз попал* в Яндексе приходится всего 11 с сочетанием слов *которому попал в глаз*.

Таким образом, препозитивный внешний посессор демонстрирует то же свойство, что внутренний посессор (см. раздел 2.2) и постпозитивный внешний посессор (см. раздел 3.2.4), а именно оказывается чувствителен к положению обладаемого внутри предложной группы, однако, в отличие от предыдущих случаев, при препозитивном посессоре в дательном падеже действует абсолютный запрет на обладаемое, не входящее в предложную группу³¹.

Данное ограничение хорошо согласуется с предсказаниями иерархии синтаксических отношений, доступных для обладаемого в конструкции с внешним посессором (The Syntactic Relation Hierarchy), из [Haspelmath 1999]:

- (50) предложная группа \subset прямое дополнение \subset подлежащее при неаккузативном глаголе \subset подлежащее при неэргативном глаголе \subset подлежащее при переходном глаголе³².

Данная иерархия (предложенная, прежде всего, для языков европейского ареала) предсказывает, что любая конструкция с внешним посессором, допустимая при обладаемом, занимающем одну из синтаксических позиций в (50), будет возможна также для всех позиций выше в иерархии.

В обычном случае русская конструкция с внешним посессором в дательном падеже допускает обладаемое в двух первых позициях в иерархии (предложная группа и прямое дополнение). Однако в контексте «эффекта крысолова» с препозицией относительного местоимения оказывается возможной только первая позиция в иерархии (предложная группа).

4. Конструкция с притяжательным местоимением *чей*

4.1. Одушевленность/неодушевленность имени в вершине

Вершиной относительного предложения с маркером *чей* в большинстве случаев является одушевленное существительное, как в (51):

- (51) *Значит, попробует выиграть тот наездник, чья лошадь в обычной ситуации не имела бы шансов* (А. Гладилин. Большой беговой день (1976—1981)) (НКРЯ).

Это условие, однако, не является обязательным. Так, в Академической грамматике указано, что обычно «слово *чей* способно заменять собою

³¹ При внешнем посессоре, вводимом предлогом *у*, данная конструкция, как кажется, возможна и в том случае, если обладаемое не входит в предложную группу:

(i) *У меня на работе сотрудник у **которого** брат (^{OK#}) женился на гражданке России* (Яндекс).

³² «PP \subset direct object \subset unaccusative subject \subset unergative subject \subset transitive subject» [Haspelmath 1999: 124].

только существительные со значением лица, но не предмета», однако «отклонения от этого правила имеют место в случаях персонификации ⟨...⟩ или тогда, когда заменяемое местоимением имя называет предмет, который в контексте может восприниматься как совокупность лиц...» [Шведова 1980: § 2880]. Например, предлагается считать, что местоимение *чей* в (52) возможно потому, что существительное *институт* использовано в собирательном значении:

(52) *Институт, чьи сотрудники (завод, чьи рабочие) помогли убрать урожай, заслужил благодарность* [Шведова 1980: § 2880].

Можно, однако, заметить, что в современном русском языке местоимение *чей* используется значительно шире. В НКРЯ представлено значительное количество примеров (см. табл. 12 ниже), в которых местоимение *чей*, очевидно, не соотносимо с одушевленным референтом:

(53) *...дальше пошел текст, чье авторство принадлежало Шеремету* (М. Кураев. Разрешите проявить зрелость!.. // Знамя. 2000) (НКРЯ).

В табл. 12 рассматривается диахроническая частотность союзного слова *чей* при следующих типах вершин: вершины с одушевленными существительными (51), вершины с неодушевленными существительными, соотносимыми с одушевленными объектами (52)³³, и вершины с неодушевленными существительными, несоотносимыми с одушевленными объектами (53). В таблице приведены данные об абсолютной частотности местоимения *чей* в различные периоды по отношению к объему подкорпуса (количество примеров на 10 млн. слов) и о доле, которую различные группы вершин составляют от случаев использования местоимения *чей* в данный период.

Как видно из табл. 12, частотность клауз с союзным словом *чей* увеличивается, по крайней мере с начала XX в., при всех типах вершин. Однако наиболее значительным оказывается рост частотности в группе с вершинами — неодушевленными существительными, не соотносимыми с одушевленными объектами, т. е. доля таких случаев также стабильно растет.

Таким образом, на протяжении всего XX в. происходит постепенное увеличение частотности местоимения *чей* в функции относительного местоимения, сопровождающееся постепенным «проникновением» этого местоимения в зону неодушевленности.

³³ К этой группе я отношу слова, референтами которых могут быть совокупности лиц (*пара, компания, народ, Европа*), а также слова, которые в контексте соотносимы с индивидуальными одушевленными объектами из-за действия метонимии, как в следующем примере:

(i) *Был ряд имен, чьи записи он никогда не приобрел бы для себя* (А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)) (НКРЯ).

Таблица 12

**Изменение частотности местоимения *чей*
при различных типах вершин**

		1700— 1900	1901— 1950	1951— 2000	2001— 2007
Одушевленные	Количество	25	154	745	905
	На 10 млн.	8,59	38,39	137,77	200,48
	Доля	0,83	0,81	0,77	0,64
Неодушевленные, соотносимые с одушевленными объектами	Количество	5	21	91	193
	На 10 млн.	1,72	5,23	16,83	42,76
	Доля	0,17	0,11	0,09	0,14
Прочие неодушевленные	Количество	0	16	130	321
	На 10 млн.	0,00	3,99	24,04	71,11
	Доля	0,00	0,08	0,13	0,23
Всего	Количество	30	191	966	1419
	На 10 млн.	10,31	47,61	178,64	314,35
Объем подкорпуса		29089683	40118320	54075717	45140722

**4.2. Синтаксические отличия местоимения *чей*
от личных притяжательных местоимений**

Свойства местоимения *чей* в целом напоминают свойства личных притяжательных местоимений (*мой, его...*). Существуют, однако, некоторые различия, не выводимые автоматически из свойств личных и относительных местоимений в русском языке.

Так, местоимение *чей* используется почти исключительно в позиции в абсолютном начале клаузы³⁴, что несовместимо с некоторыми синтаксическими структурами³⁵.

Во-первых, местоимение *чей* практически невозможно, если обладаемое входит в какую-либо именную составляющую, не являясь ее вершиной:

(54а) *В этот момент она, улыбаясь, протянула руку Мэриан, и кончики их пальцев встретились в странном приветствии (Яндекс);*

³⁴ Это свойство, разумеется, связано с относительностью местоимения *чей*, однако не вытекает из нее напрямую, ср. местоимение *который*, которому может, в частности, предшествовать обладаемое.

³⁵ Предшествовать местоимению *чей* может предлог (см., впрочем, в разделе 5.3 данные, указывающие на сравнительную редкость таких примеров):

(i) *Меня он приучал тянуться в работе к тем режиссёрам и авторам, до чьего уровня исполнителю надо дотягиваться* (И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)) (НКРЯ).

Препозиция слов других частей речи встречается исключительно редко.

(54б) ^{???} *Девушки, кончики **чьих** пальцев встретились в странном приветствии...*

Во-вторых, использование местоимения *чей* ограничено при единицах, обычно занимающих крайнюю левую позицию в именной группе, таких как кванторные слова *все, каждый, любой*, ср. (55а—б)³⁶:

(55а) *Все мои рассказы написаны на основе воспоминаний моих друзей* (Яндекс);

(55б) **писатель, все **чьи** рассказы / ^{???}**чьи** все рассказы написаны на основе воспоминаний его друзей...*

Единицы, которые могут находиться как перед личными местоимениями, так и после них (*другой, тот* или *иной*), при местоимении *чей* возможны только во второй позиции:

(56) *Блистательная сага от автора, **чей** другой псевдоним — Джеймс Роллинс — стал в литературном мире синонимом слову «бестселлер»* (Яндекс).

При числительных от их взаимного расположения с притяжательным местоимением зависит значение именной группы (ср. *мои два друга*, предполагающее, что других друзей у меня нет, и *два моих друга*, допускающие существование других друзей). В этом случае с местоимением *чей* оказывается возможным только порядок слов, при котором это местоимение располагается в начале, с соответствующим значением. Так, (57), как кажется, предполагает, что у собора только два шпиля:

(57) *А на самой вершине холма расположился сам собор, **чьи** два шпиля высятся в небе над городом* (Яндекс).

Наконец, с местоимением *чей* невозможен порядок, при котором притяжательному местоимению предшествует прилагательное, ср. (58а—б):

(58а) *А обычное моё состояние — это когда жизнь идёт, а я бегу где-то рядом* (Е. Голованова. День победы Виктории (2002) // Домовой. 2002.08.04) (НКРЯ);

(58б) ^{???} *Человек, обычное **чьё** состояние...*

Таким образом, местоимение *чей* используется предпочтительно в абсолютном начале клаузы, с чем связан ряд запретов на структуры, в которых это требование не может быть выполнено.

³⁶ Впрочем, многие слова из этого класса могут «отрываться» от именной группы, к которой они относятся, и в этом случае использование относительного местоимения *чей* оказывается более приемлемым:

(i) *Нашей задачей было <...> предложить законченный набор методов для развития ума существам, **чьи** обычные нужды были все удовлетворены* (Яндекс).

5. Конкуренция стратегий релятивизации посессора с маркерами *который* и *чей*

В настоящем разделе будет рассмотрена конкуренция двух основных стратегий релятивизации посессора — с помощью притяжательного местоимения *чей* и относительного местоимения *который* в форме родительного падежа.

5.1. Базовые различия

При релятивизации посессора местоимение *который* встречается значительно чаще, чем местоимение *чей*. Частично преобладание местоимения *который* объясняется редкостью стратегии с маркером *чей* при неодушевленных вершинах, однако стратегия с маркером *который* остается более частотной, даже если исключить из рассмотрения неодушевленные вершины. Приблизительное представление о сравнительной частотности относительных клауз с маркерами *чей* и *который* в современных текстах дают данные в табл. 13.

Таблица 13

Частотность местоимений *чей* и *который* при релятивизации посессора (1950—2007 гг.)

	Всего	%	Только для одушевленных существительных в вершине	%
<i>чей</i>	191	13 %	123	34 %
<i>который</i>	1278	87 %	236	66 %

Относительные конструкции с маркерами *чей* и *который* различаются также по некоторым структурным характеристикам.

Во-первых, относительное местоимение *который* не вполне допустимо в коррелятивах, т. е. в таких относительных предложениях, которые синтаксически присоединяются ко всей клаузе, содержащей вершину, и находятся от нее слева, ср. (59а—б)³⁷:

(59а) **Чья** смерть будет отважнее, тот и победил (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)) (НКРЯ);

(59б) ??? Смерть **которого** будет отважнее, тот и победил.

³⁷ Как отмечает О. В. Митренина, коррелятивы с местоимением *который* (в отличие от коррелятивов с другими местоимениями и местоименными наречиями) в современном русском языке встречаются редко, только в разговорной речи, и при этом звучат архаично [Mitrenina 2010]. В то же время такие примеры кажутся в целом более допустимыми, чем коррелятивы с местоимением *который* в позиции приемного посессора (59б):

(i) **А которые** с рассудка — те много думают (Ф. М. Достоевский. Бесы (1871—1872)) (НКРЯ).

Во-вторых, местоимение *чей*, но не *который* может быть использовано в безвершинном предложении³⁸:

- (60а) *Поднимите / пожалуйста / руку / **чьи** родители в субботу приходили на субботник* (Урок в начальной школе (дорожные знаки) (2007)) (НКРЯ, устный подкорпус);
- (60б) **Поднимите, пожалуйста, руку, родители **которых** в субботу приходили на субботник.*

5.2. Свойства вершины

Важным фактором, влияющим на выбор той или иной стратегии, является одушевленность имени в вершине клаузы.

Как видно уже из данных в разделе 4.1, описание типов вершин, допускающих и не допускающих относительную клаузу с местоимением *чей*, не сводимо к бинарной оппозиции по одушевленности.

Вычисления показывают, что значимыми оказываются несколько противопоставлений.

Во-первых, отдельную группу образуют личные местоимения: как видно из табл. 14, при этом типе вершин доля относительных клауз с местоимением *чей* (61) значительно выше, чем у одушевленных существительных, в частности у одушевленных существительных, референтами которых являются люди. Различие статистически значимо (χ^2 , $P << 0,01$).

- (61) *Мы, **чьи** лучшие рабочие годы — с двадцати пяти до сорока — ушли водой в песок, погрязли в болоте, ухнули в бездонную пропасть...* (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999—2003)) (НКРЯ).

Во-вторых, значимой оказывается граница между людьми и животными: как видно из табл. 14, при вершинах, референтами которых являются люди, частотность относительной клаузы с *чей* выше. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,05$).

В-третьих, разумеется, значимой оказывается граница между одушевленными и неодушевленными существительными: при неодушевленных существительных доля относительных клауз с маркером *чей* очень мала. Различие статистически значимо (χ^2 , $P << 0,01$).

³⁸ Безвершинные предложения с местоимением *чей* также допустимы не в любом контексте. По всей видимости, они в наибольшей степени допустимы при императиве (60а) и при сочетании глагола с частицами *пускай, пусть* (i), ср. с (ii).

- (i) *Вы в курсе, что зам. главы Раменского района заявил, что они не будут убирать «мусор», пусть **чьи** дома сгорели сами его и убирают!!!* (Яндекс)
- (ii) ?? ***Чьи** дома сгорели сами уберут мусор.*

О близких ограничениях для других типов относительных групп, а также о предположительных причинах этих ограничений см. [Лютикова 2008: 21—23].

Таблица 14

**Сравнительная частотность относительных предложений
с маркерами *чей* и *который* при личных местоимениях
и одушевленных существительных в вершине³⁹**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	Доля <i>чей</i>
Личные местоимения	30	17	0,64
Люди	1900	7565	0,20
Животные	78	424	0,16

Таблица 15

**Частотность относительных клауз с маркерами *чей* и *который*
при вершинах с одушевленным
и неодушевленным существительным в вершине**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Одушевленные	1829	5194	26,0 %
Неодушевленные	777	15100	4,9 %

Таблица 16

**Частотность относительных клауз с маркерами *чей* и *который*
при вершинах, референтом которых являются растения**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Растения	28	132	18 %
В среднем для неодушевленных существительных	653	13621	4 %

Наконец, некоторые семантические группы выделяются и среди вершин с неодушевленными референтами.

Так, очень высока доля относительных клауз с маркером *чей* при вершинах, референтами которых являются растения, как в (62). Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

(62) *Это и гортенши, чьи соцветия ярче на кислых почвах, и люпины, и рододендроны* (Сад на кислых почвах (2003) // Сад своими руками. 2003.09.15) (НКРЯ).

Значимо (χ^2 , $P < 0,01$) также различие между вершинами, референтами которых являются животные и растения, т. е. между теми из рассмотрен-

³⁹ Данные в табл. 14—17 не соотносимы друг с другом, так как при их расчете использовались различные ограничения. Некоторые из этих ограничений связаны с абсолютной частотностью стратегий релятивизации, но, предположительно, ни одно из них не влияет на сравнительную частотность стратегий при различных типах вершин.

ных групп одушевленных и неодушевленных существительных, которые наиболее близки по распределению стратегий релятивизации.

Таблица 17

Частотность относительных клауз с маркерами *чей* и *который* при вершинах, референтом которых являются животные или растения

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Животные	53	293	15 %
Растения	28	317	8 %

Среди вершин с неодушевленным существительным сравнительно высокой оказывается доля относительных клауз с маркером *чей* в том случае, если это существительное является именем собственным (63), см. данные в табл. 18. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

- (63) *Посреди холмов, покрытых лесом, возвышается аббатство Нересхайм, **чье** основание восходит к 1095 году* (Плодотворные контакты (2003) // Российская музыкальная газета. 2003.06.11) (НКРЯ).

Таблица 18

Частотность имен собственных в вершинах относительных клауз с маркерами *чей* и *который*

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
Неодушевленные имена собственные	113	1479	7,0 %
В среднем для неодушевленных существительных	777	15100	4,9 %

Как кажется, использование относительного предложения с *чей* характерно также для вершин, референтами которых являются объекты следующих типов: организации и заведения (64), здания (*дом, замок*), географические и астрономические объекты (*поселок, планета*), транспортные средства (*машина, самолет*), литературные произведения и печатные издания (*стихотворение, книга*).

- (64) *Как сейчас живет фирма, **чьи** научно-технические интересы простирались от дна морского до Луны и глубин космоса?* (Российское оружие: война и мир (1999)) (НКРЯ).

Проверить это предположение для каждой из этих групп вряд ли возможно, однако, как видно из табл. 19, в совокупности они составляют значительно бóльшую долю от релятивизации с маркером *чей*, чем от релятивизации с маркером *который*. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \ll 0,01$).

Обращает на себя внимание тот факт, что перечисленные выше группы приблизительно соответствуют тем классам объектов, которые часто обозначаются именами собственными (ср. завод «Красный треугольник»,

Мраморный дворец, Санкт-Петербург, планета Земля, шхуна «Эспаньола», «Отцы и дети»). По всей видимости, факторы, влияющие на присвоение некоторому объекту имени собственного (прежде всего, значимость отдельных объектов, а не их типов), оказываются релевантными и при выборе стратегии релятивизации. Таким образом, стратегия релятивизации с *чей* с большей вероятностью используется в том случае, если вершина соотносится с таким типом объектов, для которого существенно противопоставление индивидуальных объектов.

Таблица 19

Частотность некоторых типов неодушевленных существительных в вершинах относительных клауз с маркерами *чей* и *который*⁴⁰

	Организации, здания...	Другое	%
<i>чей</i>	293	226	56 %
<i>который</i>	14	86	14 %

Другим параметром, взаимодействующим с выбором стратегии релятивизации, оказывается наличие при вершинном существительном детерминативов *тот* (65), *такой* (66)⁴¹:

- (65) *А это, — обратился он ко мне, — тот журналист, письмо **которого** вы цитировали* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943—1958)) (НКРЯ);
- (66) *Бывают такие люди, слова **которых** похожи на хорошо очищенные орехи* (В. Баранец. Генштаб без тайн. Кн. 1 (1999)) (НКРЯ).

Как видно из табл. 20, если в составе вершины есть местоимение *такой*, доля относительных клауз с *который* оказывается значительно выше, чем при местоимении *тот*. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

Таблица 20

Местоименные модификаторы *тот*, *такой* при вершине (только для одушевленных существительных в вершине)

	<i>такой</i>	<i>тот</i>	% <i>такой</i>
<i>чей</i>	3	102	3 %
<i>который</i>	38	262	13 %

Как отмечает Н. Р. Добрушина, «именная группа с *такой* обычно соотносится с классом объектов {...} в то время как именная группа с *тот* со-

⁴⁰ В данной таблице не учитываются имена собственные, очевидно собирательные существительные и растения.

⁴¹ Под детерминативом понимается грамматический элемент, маркирующий вершину относительной клаузы, см., в частности, [Diessel 1999: 135—137].

относится с единичным объектом, даже если он неопределенный» [Dobrushina, in press].

Таким образом, относительная клауза с маркером *чей* предпочитается при вершинах, референтами которых являются единичные объекты, а не классы объектов (ср. выше выводы из данных о частотности вершин с именами собственными и именами, относящимися к тем же семантическим классам, что и имена собственные).

5.3. Свойства обладаемого

На выбор стратегии релятивизации оказывают влияние также некоторые характеристики обладаемого.

Во-первых, выбор стратегии релятивизации неслучайным образом относится с синтаксической позицией, которую обладаемое занимает в относительной клаузе. Как видно из табл. 21, относительная клауза с маркером *чей* составляет самую большую часть от релятивизации посессора при подлежащем (67), реже встречается при релятивизации посессора при прямом дополнении (68), еще реже — при релятивизации посессора при косвенных дополнениях⁴² (69) и практически невозможна при релятивизации посессора посессора ср. (70а—б)⁴³. Различия между этими четырьмя группами при попарном сравнении статистически значимы (χ^2 , во всех случаях $P < 0,05$).

- (67) *Его сразу поддержал кузнец, **чья** кузница располагалась под тополем ближе всех прочих построек к камню* (Василь Быков. Камень (2002)) (НКРЯ);
- (68) *Рыцарю, **чью** сломанную руку исцелил апостол Яков и который забыл посетить его гробницу, этот апостол в наказание сломал другую руку* (С. А. Еремеева. Лекции по истории искусства (1999)) (НКРЯ);
- (69) *Чему же могут научить нас миссионеры, **чьим** сектам всего не сколько десятилетий от роду?* (митрополит Владимир (Иким). ... А друзей искать на Востоке (1999)) (НКРЯ);
- (70а) *Авторы этих пособий теряются в тени великих схоластов, крохами учёности **которых** они в основном пробавлялись* (А. Я. Гуревич. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976)) (НКРЯ);
- (70б) ^{???} *... в тени великих схоластов, крохами **чьей** учёности они в основном пробавлялись*.

⁴² В табл. 21 приведены данные для косвенных падежей по отдельности и далее в отдельном столбце — данные для косвенных падежей в целом.

⁴³ Рассматривать при расчетах падежное оформление вместо собственно синтаксических позиций позволяет тот факт, что в русском языке эти два параметра сильно скоррелированы.

Таблица 21

Частотность различных падежных форм у обладаемого в относительных клаузах с маркерами *чей* и *который* (только для одушевленных существительных в вершине)⁴⁴

			<i>который</i>		<i>% чей</i>
Именительный падеж	239		562		29 %
Винительный падеж	42		168		20 %
Дательный падеж	16		103		13 %
Творительный падеж	88	270	591	2679	13 %
Предложный падеж	166		1985		8 %
Родительный падеж (приименной)	0		275		0 %

Типы обладаемых, выделяемые по данным в табл. 21, очевидным образом соотносятся с позициями в иерархии доступности именных групп (71), т. е. иерархии синтаксических позиций по допустимости их релятивизации⁴⁵, при этом относительные клаузы с маркером *чей* предпочтительнее при обладаемых, занимающих более высокое положение в иерархии доступности.

(71) SU > DO > IO > OBL > GEN > OCOMP⁴⁶

Ряд ограничений на ту или иную стратегию неслучайным образом связан с линейным расположением маркеров *чей* и *который* относительно обладаемого, препозитивным и постпозитивным соответственно.

Так, как было показано в разделе 4.2, местоимение *чей* встречается почти исключительно в абсолютном начале клаузы, что несовместимо с некоторыми типами синтаксической структуры обладаемого, такими как именная группа с квантором⁴⁷ и именная группа, входящая в состав другой именной группы. В этих случаях используется стратегия релятивизации с маркером *который*, ср. (72а—б), (70а—б).

(72а) *Будь Николай Григорьевич величайшим человеком, каждое слово **которого** важно для истории, и то не стоило собирать в эту папку столько рехляди и пустяков* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)) (НКРЯ);

(72б) *Будь Николай Григорьевич величайшим человеком, ?? **чье** каждое слово / *каждое **чье** слово важно для истории...*

⁴⁴ Данные в табл. 21 не отражают относительную частотность обладаемых в различных падежах.

⁴⁵ Об иерархии доступности см. прежде всего [Comrie, Keenan 1979].

⁴⁶ В (71) используются следующие обозначения: SU — подлежащее, DO — прямое дополнение, IO — не прямое дополнение, OBL — косвенное дополнение, GEN — приименное генитивное зависимое, OCOMP — объект сравнения.

⁴⁷ См., впрочем, примеч. 35.

С некоторыми запретами связана также линейная позиция местоимения *который*. Как и прочие приименные генитивные зависимые, местоимение *который* в подавляющем большинстве случаев находится в позиции непосредственно после обладаемого, ср. ^{???}*Одиссей, возвращение на Итаку которого...*; ^{???}*Одиссей, желание вернуться которого...* Для большинства типов зависимых это ограничение не делает невозможным использование стратегии с маркером *который*, т. к. они могут отрываться от своей вершины, ср. *Одиссей, возвращение которого на Итаку...*; *Одиссей, желание которого вернуться...* Невозможной стратегия с местоимением *который* оказывается в случае, если зависимое обладаемого не может от него отрываться, как при коротком приложении, характеризующем предмет по качественному признаку (в терминах [Шведова 1980: §1820]), ср. (73а—б)^{48, 49}.

(73а) *Во-первых, я познакомился с ужасно колоритным дядькой, чья дочка-красавица, вот удача, работает в российском консульстве в Милане...* (Яндекс);

(73б) ^{???}*дядька, дочка-красавица которого работает в российском консульстве* / **дядька, дочка которого красавица работает в российском консульстве.*

В случае, если приложение может отрываться от своей вершины, стратегия релятивизации с *который* допустима:

(74) *Говорим еще о М. П. Арцыбашеве, рассказ которого «Кровь» Лев Николаевич рекомендовал в наш журнал, вегетарианстве и другом* (И. И. Перпер. У Льва Николаевича Толстого и его друзей (1909)) (НКРЯ).

Как кажется, с постпозитивным положением местоимения *который* по отношению к вершине в какой-то мере связана также предпочтительность этой стратегии при более коротких составляющих. Так, доля относительных клауз с маркером *чей* оказывается выше, если обладаемое выражено сочиненной группой, как в (75), см. данные в табл. 22. Различие статистически значимо (χ^2 , $P < 0,01$).

⁴⁸ Если приложение использовано для характеристики предмета по подобию [Шведова 1980: §1820], релятивизация посессора с помощью местоимения *который* возможна:

(i) *А забавный зверёк, глазки-бусинки которого сейчас смотрели на Дэни, вдруг вызвал у мальчика симпатию и какую-то тёплую грусть...* (Яндекс).

⁴⁹ В случае, если существительное, требующее посессора, находится во второй позиции, возможны обе стратегии релятивизации (i)—(ii);

(i) *С {...} капитаном-героем, красавица-дочь которого ничего не боится и даже спасает из заточения отца и друзей?* (Яндекс);

(ii) *Например, владелец сети ресторанов традиционной вьетнамской кухни, чья красавица-дочь учится в США, по вечерам выкладывает из разноцветных камешков пейзажи и пагоды...* (Яндекс).

- (75) *В этом растлении человеческой души в значительной мере повинен блатной мир, уголовники-рецидивисты, **чьи** вкусы и привычки сказываются на всей жизни Колымы* (В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954—1961)) (НКРЯ).

Таблица 22

Частотность сочинения обладаемых в относительных клаузах с маркерами *чей* и *который* (только для одушевленных существительных в вершине)

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
С сочинением обладаемых	91	157	37 %
Всего	190	5194	28 %

Кроме того, стратегия релятивизации с маркером *который* оказывается практически невозможной в том случае, если обладаемое является фрагментом прямой речи, ср. (76а—б)⁵⁰.

- (76а) *Бесят непрофессионалы, **чье** «ой, простите, забыл» оборачивается катастрофой мирового масштаба* (Яндекс).
 (76б) ^{???} *Непрофессионалы, «ой, простите, забыл» **которых** оборачивается катастрофой...*

Наконец, стратегия релятивизации с маркером *который* оказывается не вполне допустимой, если обладаемое выражено именем собственным:

- (77а) *Начала это дело Марусяка Шевелева, **чей** Сенька каждую субботу после бани норовил вроде бы смотаться на дежурство, а на самом деле до утра пролеживал у Панки под пыльными полами* (Виль Липатов. Деревенский детектив / Панка Волошина (1967—1968)) (НКРЯ);
 (77б) ^{???} *Начала это дело Марусяка Шевелева, Сенька **которой** каждую субботу норовил вроде бы смотаться на дежурство...*

Запрет, проиллюстрированный в (77б), не ограничен контекстом релятивизации: как кажется, имена собственные в узком смысле (в терминах [Шведова 1980: §1124]) в целом не допускают генитивных зависимых (^{???} *Сенька Марусяки Шевелевой*) и возможны при притяжательных местоимениях и прилагательных (ср. (77а), а также *ее Сенька, Марусякин Сенька*).

⁵⁰ Е. А. Лютикова указала мне на то, что данное ограничение частично объясняется обнаруженной Я. Г. Тестельцом закономерностью, согласно которой при фрагментах прямой речи и идеофонах в роли подлежащего затруднено использование постпозитивных (несогласуемых) определений без выражающих согласовательные признаки препозитивных.

(i) *Снаружи слышалось ^{??}(негромкое) «р-р-р» их собаки* (пример Я. Г. Тестельца).

В то же время при релятивизации запрет на имена собственные в позиции обладаемого оказывается более строгим: второй класс собственных имен по [Шведова 1980: §1124] — собственные наименования — допускает в качестве генитивных зависимых существительные («Танцующая в темноте» Ларса фон Триера) и не вполне допустим, если посессор при них выражен относительным местоимением *который*:

- (78а) *Так же как 1990-й стал «годом Линча», а 1994-й — «годом Тарантино», нынешний можно назвать именем Ларса фон Триера, **чья** «Танцующая в темноте» (...) вызвала самый громкий, не всюду, впрочем, позитивный, резонанс (А. Плахов. На экранах мира гладиаторы, драконы и тигры (2001) // Аргументы и факты. 2001.01.03) (НКРЯ);*
- (78б) *??? Нынешний год можно назвать именем Ларса фон Триера, «Танцующая в темноте» **которого** вызвала громкий резонанс.*

5.4. Выражение участников при номинализации

Особого внимания заслуживает выражение с помощью местоимений *который* и *чей* участников ситуации, обозначенной отглагольным существительным, как в (79а):

- (79а) *Оно разработало три явно запоздалых плана под кодовыми словесными названиями птиц, **чье** появление символизирует беду: «Гриф», «Кондор» и «Альбатрос» (С. Балмасов. Дьен-Бьен-Фу: подвиг и Голгофа французского иностранного легиона (2003) // Солдат удачи. 2003.12.03) (НКРЯ).*

Типы этих участников можно подразделить на три класса, в зависимости от того, роли какого участника при соответствующем глаголе соответствует посессор при номинализации: роли А-участника (агенсаподобного участника при переходном глаголе), S-участника (единственного ядерного участника при непереходном глаголе), или О-участника (пациенсаподобного участника при переходном глаголе). Так, в (79а) местоимение *чей* занимает позицию S-участника, т. к., как видно из (79б), глагол, соответствующий номинализации *появление*, является одноместным.

- (79б) *Птицы появляются.*

Частотность местоимений *чей* и *который* в позициях, соответствующих А-, S- и О-участнику, можно увидеть в табл. 23. Различия между группами при попарном сравнении статистически значимо (двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Как видно из табл. 23, стратегия релятивизации с местоимением *чей* составляет наибольшую долю от релятивизации позиции А-участника при номинализации, меньшую — от релятивизации позиции S-участника при номинализации и совсем редко встречается в позиции О-участника при номинализации.

Таблица 23

**Частотность местоимений *чей* и *который*
при отглагольных существительных на *-ние* со значением имени действия
(только для одушевленных существительных в вершине)**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	Доля <i>чей</i>
A	6	0	1,00
S	22	65	0,25
O	2	46	0,04

Данное распределение частично предсказывается правилом, выведенным Г. Корбеттом для славянских языков, согласно которому притяжательные прилагательные (а к ним условно можно отнести и притяжательные местоимения. — М. Х.) встречаются в субъектной функции не реже, чем в объектной, и допускают не меньшее количество разновидностей субъектных употреблений [Corbett 1987: 330]⁵¹.

6. Выводы

1. В русском языке для релятивизации позиции посессора может быть использована одна из следующих посессивных конструкций: конструкция с приименным генитивным зависимым, конструкция с внешним посессором или конструкция с притяжательным местоимением.

2. Позицию приименного генитивного зависимого могут занимать местоимения *который*, *что*, *какой*, *каковой*, *кой* и *кто*.

Для местоимений *какой*, *каковой* и *кто* эта позиция в целом нехарактерна, за исключением контекста количественных конструкций. Позиции, в которых возможны эти местоимения, совпадают с отмеченными Е. А. Лютиковой позициями, допускающими отсутствие «эффекта крысолова» [Лютикова 2009: 484—489], что, возможно, указывает на предпочти-

⁵¹ Связь притяжательных местоимений с позицией А-участника видна также в следующем примере:

(i) *Его преследование редактора* [Падучева 1984: 59].

Как отмечает Е. В. Падучева, в случае, если притяжательное местоимение зависит от имени действия, от которого зависит также существительное в родительном падеже, как в примере (i), для местоимения оказывается невозможным объектное прочтение [Там же: 59].

Ср. также [Волк 2009], где отмечается, что при одном из классов отглагольных имен пациентивная интерпретация возможна для генитивных зависимых и невозможна для притяжательных прилагательных и притяжательных местоимений 1 и 2 лица: ср. *их исследование*, допускающее и агентивную, и пациентивную интерпретацию, и *наше исследование*, возможное только с агентивной интерпретацией (пример из [Волк 2009]).

тельность этих местоимений в абсолютном начале клаузы. В случае с местоимением *кто* данное предположение подтверждается частотностью в неколичественных конструкциях порядка слов с препозицией относительного местоимения.

3. В русском языке явление, по своим свойствам напоминающее «эффект крысолова», возможно в единицах, проявляющих свойства независимых составляющих. Важно отметить, что это явление не является универсально допустимым — так, в сардинском языке оно, по всей видимости, невозможно, ср. примеры (80а—б), предложенные в [Jones 1993: 222] (цит. по [König, Haspelmath 1997: 528]).

(80а) *A sos pitzinnos appo lavatu sas dentes*
 PREP DEF мальчики имею мыть.РТСР DEF зубы
 ‘Мальчикам я почистил зубы’;

(80б) **Sas dentes a sos pitzinnos appo lavatu*
 DEF зубы PREP DEF мальчики имею мыть.РТСР
 ‘Зубы мальчикам я почистил’.

Как видно из этих примеров, в сардинском языке возможен вынос в начало клаузы внешнего посессора (80а), но не единицы, состоящей из обладаемого и внешнего посессора (80б).

В русском языке, как кажется, возможен не только буквальный перевод предложения (80б), что само по себе не удивительно, так как в русском достаточно свободно допускается топикальный вынос нескольких составляющих, но и соответствующее относительное предложение:

(81) *Мальчики, зубы **которым** я почистил...*

4. На протяжении периода, отраженного в НКРЯ, — с начала XVIII в. до начала XXI в. — в системе релятивизации посессора в русском языке произошли по крайней мере следующие существенные изменения:

а) предпочтительная линейная позиция относительного местоимения — посессора в родительном падеже изменилась с препозитивной на постпозитивную;

б) стали невозможными именные группы с разрывом генитивной связи, за исключением количественных конструкций;

в) значительно увеличилась частотность местоимения *чей*;

г) значительно увеличилась доля примеров, в которых вершиной при относительной клаузе с местоимением *чей* является неодушевленное существительное, не соотносимое с одушевленными объектами.

5. Основные стратегии релятивизации посессора — с маркерами *который* и *чей* — различаются по ряду абсолютных и статистических характеристик. При сравнении этих стратегий можно обнаружить следующие закономерности:

а) Частотность стратегии релятивизации с маркером *чей* убывает по мере продвижения по иерархии (82).

(82) Вершина относительной конструкции:

личные местоимения > люди > животные > растения; неодушевленные объекты — имена собственные, а также нарицательные существительные тех же классов > др.

Данная иерархия (кроме своей предпоследней позиции) представляет собой усеченный вариант иерархии одушевленности, восходящей к работе [Silverstein 1976].

б) Притяжательное местоимение *чей* значительно чаще используется при вершине с детерминативом *тот*, чем при вершине с детерминативом *такой*. Такое противопоставление, по всей видимости, указывает на предпочтение клауз с местоимением *чей* при вершинах, референтами которых являются единичные объекты, а не классы объектов.

в) Относительная клауза с местоимением *чей* предпочитается при обладаемых, находящихся выше в иерархии доступности.

г) Относительная клауза с местоимением *чей* является единственным возможным или явно предпочтительным средством релятивизации посессора при следующих типах обладаемого: существительное с зависящим от него приложением, фрагмент прямой речи, имя собственное.

д) При отглагольных существительных со значением имени действия относительная клауза с маркером *чей* является предпочтительным вариантом при релятивизации позиции А-участника, относительная клауза с маркером *который* — при релятивизации позиции О-участника.

Как кажется, часть наблюдаемых признаков может быть объяснена с помощью принципа референциальной компактности Е. В. Падучевой, согласно которому «референциально независимая именная группа (в особенности именная группа, референция которой известна говорящим) должна быть введена в денотативное пространство высказывания раньше, чем именные группы, которые от нее референциально зависят» [Paducheva 2004: 355].

Очевидно, что данному условию в современном русском языке удовлетворяет посессор, выраженный местоимением *чей*, но не посессор, выраженный местоимением *который*. Можно предположить, что местоимение *чей* значительно чаще, чем местоимение *который*, используется для введения нового референта в позиции обладаемого, т. е. что соответствующие стратегии релятивизации противопоставлены по тому, какого рода генитивные отношения они обычно выражают: с обладаемым, референциально зависимым от посессора, или с референциально независимым обладаемым («anchoring genitives» и «non-anchoring genitives») соответственно, см. об этом противопоставлении [Koptjevskaja-Tamm 2002]).

Особые средства маркирования при введении нового референта должны быть необходимы, если этот референт минимально предсказуем (этому условию очевидно отвечают имена собственные и фрагменты прямой речи).

Это предположение подтверждают также следующие подсчеты: относительные клаузы с местоимением *чей* встречаются чаще при обладаемом,

выраженном словом *сын*, чем при обладаемом, выраженном словом *отец*, см. данные в табл. 24. Различие статистически значимо (χ^2 , $P \approx 0,03$).

Таблица 24

**«Предсказуемость» обладаемого
в относительных клаузах с маркерами *чей* и *который* (Яндекс)**

	<i>чей</i>	<i>который</i>	% <i>чей</i>
<i>человек, ... отец ...</i>	97	209	32 %
<i>человек, ... сын ...</i>	55	75	42 %

Очевидно, что у всякого человека есть отец, но не у всякого человека есть сын, следовательно, обладаемое, выраженное словом *отец*, является более «предсказуемым» и поэтому чаще используется с относительной клаузой с местоимением *который*.

В свете этого различия неслучайными оказываются также свойства вершины: объекту, служащему для референциальной идентификации другого объекта, естественно быть единичным и одушевленным (ср. типичные свойства таких единиц в [Kortjevskaja-Tamm 2002]).

Как кажется, с этим же различием связано предпочтение местоимения *чей* в позиции А-участника при номинализации: как известно (см., например, [Du Bois 2003: 34]), языки мира избегают введения новых аргументов в позиции А-участника, т. е. эта позиция используется, как правило, для обозначения данных участников, а такие участники скорее могут оказаться референциальным «якорем» («anchor»).

Л и т е р а т у р а

Брыкина 2009 — М. М. Брыкина. Языковые способы кодирования посессивности (на мат-ле корпусного иссл. рус. яз.). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Волк 2009 — В. С. Волк. Синтаксис притяжательных местоимений и вторичная адъективация: Тезисы на круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». 2009.

Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения *который* // Т. М. Николаева (ред.). Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 289—329.

Кагарлицкий 2004 — Ю. В. Кагарлицкий. Придаточные определительные с союзным словом *кой* в русском литературном языке первой половины XVIII века // Рус. яз. в науч. осв. 2004. № 1 (7). С. 136—156.

Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Внешний посессор в русском языке // А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003. С. 307—319.

Леонтьев 2008 — А. П. Леонтьев. Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Лютикова 2008 — Е. А. Лютикова. Загадки русских относительных предложений: Материалы лекции, прочитанной на конф. молодых исследователей «Синтаксические структуры — 2». Москва, 3—4 апреля 2008 г.

Лютикова 2009 — Е. А. Лютикова. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 436—511.

Падучева 1984 — Е. В. Падучева. Притяжательные местоимения и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики 1982. М., 1984. С. 50—66.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. II. М., 1980.

Янович, Грунтова 2007 — И. С. Янович, Е. С. Грунтова. Дистрибуция русских относительных местоимений *кто (что)* vs. *который* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. «Диалог 2007». М., 2007. С. 626—629.

Broadwell 1999 — G. A. Broadwell. Focus alignment and optimal order in Zapotec. Proceedings of the 35th Chicago Linguistic Society. 1999.

Broadwell, Key 2004 — G. A. Broadwell, M. P. Key. Pied-piping with inversion in Copala Trique. Presented at the Society for the Study of the Indigenous Languages of the Americas, San Francisco, Jan 2004.

Comrie, Keenan 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun phrase accessibility revisited // Language. Vol. 55, № 3. 1979. P. 649—664.

Corbett 1987 — G. G. Corbett. The morphology/syntax interface: evidence from possessive adjectives in Slavonic // Language. 63 (2). 1987. P. 299—345.

Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: form, function and grammaticalization. Amsterdam, 1999.

Dobrushina, in press — N. R. Dobrushina. Subjunctive in Russian relative clauses // A. Grønn, I. Marijanovic (eds.). Oslo studies in language. In press.

De Vries 2006 — M. de Vries. Possessive relatives and (heavy) pied piping // Journal of comparative Germanic linguistics. 9. 2006. P. 1—52.

Du Bois 2003 — J. W. Du Bois. Argument structure: grammar in use // J. W. Du Bois, L. E. Kumpf, W. J. Ashby (Eds.). Preferred argument structure: grammar as architecture for function. Amsterdam, 2003. P. 11—60.

Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External Possession in a European Areal Perspective // D. L. Payne, I. Barshi (Eds.). External possession. Amsterdam; Philadelphia, 1999. P. 109—136.

Hawkins 1983 — J. A. Hawkins. Word order universals. New York, 1983.

Jones 1993 — M. A. Jones. Sardinian syntax. London, 1993.

Koptjevskaja-Tamm 2002 — M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function // Sprachtypologie und Universalienforschung. 55/2. 2002. P. 141—172.

König 2001 — E. König. Internal and external possessors // M. Haspelmath et al. (Eds.). Language typology and language universals: an international handbook. Vol. 2. Berlin; New York, 2001. P. 370—379.

König, Haspelmath 1997 — E. König, M. Haspelmath. Les constructions à possesseur externe dans les langues d'Europe // J. Feuillet (Ed.). Actance et valance dans les langues de l'Europe. Berlin, 1997. P. 525—606.

Lander 2004 — Yu. A. Lander. Dealing with relevant possessors // J. Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (Eds.). *Possessives and beyond: Semantics and Syntax*. Amherst (Mass.), 2004. P. 309—336.

Lehmann 1986 — Ch. Lehmann. On the typology of relative clauses // *Linguistics*. Vol. 24, № 4. 1986. P. 663—680.

Mitrenina 2010 — O. V. Mitrenina. Correlatives: evidence from Russian // *Proceedings of the European conference on formal description of Slavic languages*. Peter Lang Publishing house, 2010. P. 135—151.

Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. Splitting of Possessive NPs and External Possessor in Russian // J. Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (Eds.). *Possessives and beyond: Semantics and Syntax*. Amherst (Mass.), 2004. P. 351—363.

Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (Ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. New York, 1976. P. 112—171.

MARIA KHOLODILOVA

POSSESSOR RELATIVIZATION IN RUSSIAN

Russian uses three major strategies to relativize possessors. These strategies correspond to the three major non-predicative possessive constructions: genitive possessor, external possessor and possessive pronoun/adjective. The external possessor strategy in Russian allows Pied-piping, which is generally considered to be characteristic only of phrasal units. Judging by the properties of this construction, it can be hypothesized that the availability of Pied-piping does not depend entirely on syntactic factors. The choice between relative clauses with genitive possessors and relative clauses with the possessive pronoun *čej* ‘whose’ depends on a number of factors, such as the position of the head noun on the Animacy Hierarchy, the position of the possessum on the Accessibility Hierarchy and the «predictability» of the possessum. It can be suggested that most of the observed contrasts can be accounted for by the greater or lesser naturalness of the possessor functioning as a referential «anchor» in these constructions.

Key words: corpus linguistics, external possessor, possessor, relativization.